

ГДЕ МОЖНО ЖИТЬ,

ЖИТЬ ХОРОШО»

работу. Мы создали три органа — две еженедельные газеты и еженедельный журнал, который делали вообще втроем, с Довлатовым. И все эти три органа обанкротились и прогорели. Каждый раз мы оказывались в тяжелом положении, получали пособие по безработице...

Вайль. Но в свое время мы сформулировали для себя такой девиз: если ты готов честно, добросовестно и много работать бесплатно, то рано или поздно тебе за это начнут платить. Абсолютно беспроблемное правило. И наш пример — подтверждение.

— Вы хотите сказать, что это непреложный закон для любого советского эмигрант-литератора?

Вайль. На Западе — да. Но заметьте, что честных и добросовестных среди них немного.

Генис. К тому же советский эмигрантский литератор никогда не сможет перестать быть литератором. Он обречен писать. Нужно это кому-то или не нужно, он будет все равно заниматься этим делом.

Есть только один уникальный случай, когда наш знакомый бросил писать, — занялся бизнесом. Поскольку он хороший писатель — не хочу называть его имя. В том нет ничего плохого, кстати, но жалко, что он ушел из литературы.

Вайль. Довлатов, к примеру, имел два источника заработка — англоязычные издания книг и радиостанция «Свобода».

Генис. На этом нельзя сказать, что он халтурил на радио для того, чтобы писать книги. Кто знает — что важно, что неважно? Это потом выяснится. Когда он работал на радио, вся страна была влюблена в его голос... Но все дело в том, что Довлатов тоже отвечал нашему лозунгу — он работал честно, добросовестно и много.

— Вы всегда писали только о русской, советской культуре?

Генис. В основном — да. Но сейчас мы написали толстую книжку об Америке, скоро она выйдет. Книга будет называться «Американо». Мы хотим ввести новое слово в русский язык. «Американо» — это все, что относится к американской жизни, американской культуре, цивилизации.

Вайль. Но вы правы в том, что это бу-

дет не просто книжка об Америке, а взгляд на Америку людей советской культуры. Или, точнее, русской культуры советского периода. Это очень важно, что не человек эпохи Пушкина ее пишет.

Генис. Кстати, если б человек эпохи Пушкина приехал в Америку, он смотрел бы на нее совершенно другими глазами. Ему было бы проще понять массу вещей — что такое «биржа», «закладная», например. Он гораздо проще вписался бы в эту жизнь, чем мы.

Вайль. Он понимал бы, что такое «свой врач», «свой выезд» — те вещи, которые были и будут совершенно человеку... И совсем другое дело — необычность нашего советского образа жизни. Мы ее в себе храним, потому что это опыт совершенно уникальный. Столкновение Запада с советским образом жизни — тоже тема нашей книги. Не говоря о том, что идея «Всюду — жизнь» нам очень помогает. Есть удивительное изречение Марка Аврелия: «Везде, где можно жить, — можно жить хорошо»...

НАША ЖИЗНЬ — ЛИШЬ ИГРА

— Хотя вы и декларируете свою независимость от читателя, но взять хотя бы вашу «Родную речь», выпущенную только что в Москве «Независимой газетой». Неужели для вас неважно, где ее прочтут — по ту или по эту сторону океана?

Генис. Важно. Вот видите, здесь написано: «Рекомендовано Министерством просвещения РСФСР». Это очень лестно, мы страшно гордимся этой строчкой!

Вайль. Мы думаем, что если найдется какой-то парень, такой же, как мы в свое время, который так же постигает Достоевского, — ничего прекраснее представить себе не можем...

Генис. Знаете, я прекрасно помню себя школьником — я читал Хемингуэя, Сэллинджера... А русскую классику прочел только в вузе. Я был уверен, что это тоска, которую надо читать для того, чтобы сдать экзамен. И потом уже выяснилось, насколько это интересная вещь. Ведь самый большой грех педагогического канона в чем. Никто не знает, что русская классика невероятно увлекательна! Это ощущение потеряно.

Вайль. В Нью-Йорке нам иногда звонил Довлатов: читаю «Мертвые души», послушайте! Хозяин угощает гостя телятиной, говорит: я за этим теленком, как за сыном, ходил. Два года откармливал — ходил, как за сыном!.. Довлатов в этом смысле был наш абсолютный единомышленник. Мы часто звонили друг другу, чтобы поделиться каким-нибудь своим открытием.

Генис. Вообще, все это не только к литературе относится — к чему угодно. Весь мир для нас — это текст.

Вайль. Вот мы, например, написали книгу «60-е годы. Мир советского человека». И там одна глава посвящена Третьей программе КПСС. Когда мы читали Третью программу, то старались подойти к ней как к художественному тексту — и нашли там массу интересного... А вот, например, к кулинарной книге мы подошли как к программе партии. Поворачиваешь текст в новый ракурс — и становится невероятно интересно и увлекательно.

Генис. Дело автора — это вообще игра. Вайль. Всего-навсего. Предназначенная для того, чтобы делать жизнь интересной, не более. Есть масса других, не менее уважаемых способов это сделать — собирать марки, например. Но нам нравится другое.

— И что же, предмет игры для вас никакого значения не имеет? Это может быть с равным успехом и литература, и кино, и живопись?

Генис. И политика.

Вайль. И под. Природа.

Генис. Но дело в том, что вся русская литературная критика по сути своей была как эссе. Лучший русский эссеист, наверное, это Белинский. При этом, что как к критику к нему можно массу претензий предъявить. Помните, как он писал о Пушкине? Самое интересное в том эссе — то, как он описывает, что такое светский человек, чем он занимается, как живет.

Вайль. Другое дело, что русская эссеистика была отлична от западной, поскольку русская литература — любая, в любом жанре — всегда несла какую-то задачу.

Генис. Мы же говорим исключительно о частных проблемах. Даже когда речь о политике — это тоже наша частная проблема.

— Поскольку вы пишете вдвоем, ваши частные точки зрения всегда совпадают?

Генис. Как правило, да. Дело в том, что у нас в молодости появились очень четкие представления о месте в жизни. Это место — подальше от каких-либо социальных потрясений.

Вайль. И в то же время расхождений по частным поводам у нас сколько угодно. Вот Саша пишет о фантастике, у него колоссальная библиотека фантастической литературы — я же к ней совершенно равнодушен.

Генис. Я люблю ловить рыбу...

Вайль. А я только готовить ее. А с другой стороны, я очень увлекаюсь джазом, а Саша, по моему, не отличает джаз от рока, а рок от симфонической музыки.

— И все же, поскольку вы прежде всего литераторы, хотелось бы узнать вашу частную точку зрения на то, что происходит в нашей современной литературе. Следует ли ждать какого-то нового этапа?

Вайль. Нет, про новую литературу говорить еще рано, но уже ясно, что та, «перестроенная» литература кончилась. Там были и свои достижения. Назовем «Лаз» Маканина — выдающаяся повесть, на наш взгляд. Она как бы квинтэссенция «перестроенной» литературы. И завершает этот этап.

Генис. А вот то, что идет вслед, еще непросто определить. Но уже понятно, что вылезает какая-то новая поросль. Она существовала и раньше, но просто приходит ее время. Нам, например, очень нравится проза Владимира Сорокина, стихи Сергея Гандлевского, Тимура Кибирова, пьесы Алексея Шипенко. А из старой гвардии по-прежнему прекрасно пишет Валерий Попов. По-прежнему наш любимец Фазиль Искандер. Интересно выступает в художественной публицистике Андрей Битов.

Вайль. И «Записки нетрезвого человека» Володина — прекрасное сочинение.

Генис. И потом — еще не все вышло из написанного в эмиграции. Например, есть чудесные рассказы у Юрия Милославского. У Лимонова, которого все знают как публициста, пишущего вызывающе глупейшие вещи, есть немало прекрасных книг с литературными достоинствами, о которых многие не догадываются. Почему-то до сих пор не издаются книги Вагича Бахчаняна. Он работает в особом жанре, который так и называется — «бахчанян».

Афоризмы, коллажи.

Вайль. У него, например, есть сочинение, которое называется «Как поссорился Александр Исаевич с Иваном Денисовичем».

— Так «поминки по советской литературе» все-таки имеют место быть? Вайль. Ни в коем случае!

Генис. Ее только сейчас и начнут открывать. Чем и мы собираемся заняться. Только сейчас выяснится, например, что

«Поднятая целина» Шолохова — очень интересная книга. Только сейчас начнут смотреть на все это дело другими глазами. Выяснится, что не может такого быть — Маяковский и Ахматова в одно время жили, но писали как будто бы по-китайски и по-русски!

Вайль. Ведь не надо забывать, что были люди, мягко говоря, достойные и кое-что понимавшие в литературе — Пастернак, например, который обожал как Маяковского, так и Ахматову. Значит, Пастернак мог полюбить обоих, а мы — категорически отказываемся?

Генис. Аксенов, Владимир, Солженицын, Максимов, те же Пастернак, Ахматова — это все тоже советская литература. Уходит та литература, которая была, как армия: со своими генералами, гарнизоном, казармами. С этим уже точно все покончено! Вот, мы услышали, что Егор Исав — прекрасный куровод, и мы счастливы...

Вайль. Но хоронить всю советскую литературу ни в коем случае нельзя...

...А НАМ ОТЕЧЕСТВО — РОДНАЯ РЕЧЬ

— Кем вы ощущаете себя сегодня здесь — гостями, хозяевами? Советскими людьми, американцами?

Генис. Мы не говорим ни про Россию «мы», ни про Америку.

— У вас нет своей страны?

Вайль. Нет. Единственное, что у нас есть и про что мы можем сказать «мы» и «наше», — это русская культура.

Генис. А она принадлежит всем, кому она интересна. Кто хочет — тому и принадлежит.

— Русское зарубежье долгое время было фактически неким духовным «филиалом» России — вспомним повесть Довлатова, которая так и называется, «Филиал».

Генис. Мы уже говорили: сейчас понятия «эмигрантская литература» не существует. С тех пор, как Россия обрела свободу, эмигрантская литература потеряла свой смысл. Есть русская литература. Максимов или Синяевский участвуют в том же процессе, что и Бондарев.

Вайль. Характерная деталь — еще год назад под нашими статьями писали «Нью-Йорк». Сейчас не пишут. И это совершенно естественно...

— Ну а если говорить о какой-то расстановке сил, поляризации — она же, наверное, до сих пор осталась, противостояние «Синтаксиса» и «Континента», например?

Генис. Нет! Все уже кончилось... Если что и осталось — то чья-то личная вражда. Это дольше всего длится. Потому что нельзя человеку простить, что он получил вместо тебя в очереди зимнюю шапку! Партии остались, но не эмигрантские, а общероссийские.

Вайль. Причем общероссийский культурный процесс включает в себя многие ареалы — Израиль русскоязычный, Нью-Йорк, Париж... Что творится, к примеру, в Израиле, где целый огромный ареал русского театра образовался, куда уехали многие звезды. Неужели вы думаете, что они там внезапно возлюбили друг друга? Или как-то по-особому возненавидели? Они точно так же ненавидят друг друга, как это было и здесь.

— Ну а вы ощущаете себя участниками единого процесса? Или находитесь вне его?

Генис. Что значит — «участники»? Как живые люди — да...

Вайль. Но тут есть очень тонкий нюанс. Мы не имеем права принимать участия в некоторых вещах. Ну, мы не можем подключиться к разговору о торговле, даже если бы очень хотелось.

Генис. Нельзя женщине, которая отстояла шесть часов в очереди и ничего не купила, советовать пойти в супермаркет и купить там все без очереди.

Вайль. Это неприлично и бесстыдно. Мы можем обсуждать качество литературы — вот тут мы участники российского литературного процесса...

Генис. И даже качество российского сознания, которое тоже проявляется в культуре, в воздухе, в чем угодно. Но — только не давать советы!

Вайль. Если я даю советы, я должен сам пойти и проголосовать, допустим, за Ельцина...

Генис. А потом надо пойти, допустим, на баррикады. А мы не можем...

— Однако Солженицын же считает возможным советовать, как нам обустроить Россию...

Генис. Это его дело.

— А Лимонов часто и активно...

Вайль. Это их дело!

Генис. И может быть, потому, что они решаются давать советы, эти советы настолько, мягко говоря, странные и нежизнеспособные... Нет, каждый, кто дает совет, должен отвечать за свои слова...

Вел диалоги

Максим МАКСИМОВ.

Фото-Граф Валерий ПЛОТНИКОВ.